

Мечъ и крестъ

... Ученики Егъ, Иаковъ и Иоаннъ, сказали: Господи! хочешь-ли, мы скажемъ, чтобы огонь сошелъ съ неба и истребилъ ихъ, какъ и Илїя сдѣлалъ?

Но Онъ, обратившись къ нимъ, запретилъ имъ и сказалъ: не знаете, каково въ духа;

Ибо Сынъ Человѣческій пришелъ не убить души человѣческія, а спасать.

Лук. IX, 54 - 55 - 56.

Можно-ли сейчасъ писать философически - отвлеченно о силѣ - насилїи, убійствѣ, казни? И. А. Ильинъ думаетъ, что можно, и пишетъ. Но не легко слѣдовать за нимъ, въ безпросвѣтныя дебри разсужденій. Если у каждаго пальцы бурые и липнутъ, чьей нибудь кровью замараны, — своей или чужой, — какъ разсуждать о крови «вообще», о томъ, когда и чью лучше проливать?

Быть можетъ, это лишь ощущенїе, и вопросъ о силѣ - насилїи, объ убійствѣ, поднять все-таки нужно. Я только противъ виѣшней, чисто - разсудительной, манеры Ильина. Отъ нея, отъ ея тона, и даже отъ постоянныхъ повтореній: «Христосъ, Христосъ, молитва, Богъ», — вѣтъ чѣмъ-то мертвенно - злымъ . . .

Какой Христосъ? Какая молитва? Какой Богъ? Не Ягвель, никакого Сына не знающій, одинокій Богъ евреевъ?

Или — кто?

Вотъ первое впечатлѣнїе отъ «христіанской» книги «Сопротивленіе злу силой». Насколько оно основательно, — увидимъ да-лѣе.

Я, впрочемъ, не ставлю себѣ задачей послѣдовательно разбирать книгу Ильина. Я просто хочу высказать, о ней или около нея, то, что хочу, относительно вопросовъ, надъ которыми пришлось мнѣ думать въ продолженіи долгихъ лѣтъ.

Попутно выяснятся и наши согласія и расхожденія съ православыымъ защитникомъ «силы». Даже не защитникомъ: мы вправѣ, пожалуй, назвать его — *проповѣдникомъ* силы — насилья . . .

Я начинаю съ вопроса главнаго и, выдѣливъ его изъ всего прочаго, ставлю такъ прямо, какъ онъ обыкновенно и ставится: «можно или нельзя убить?»

Врядъ-ли нужно отговариваться, что вопросъ этотъ существуетъ, — какъ *вопросъ*, — лишь тамъ, гдѣ начинается духовный, идейный порядокъ. Или даже «религіозный» (въ самомъ широкомъ и общемъ пониманіи слова). Человѣкъ, абсолютно этому порядку чуждый, — хотя есть-ли такой человѣкъ? — просто ничего не пойметъ.

Одинъ убійца мнѣ говорить: «убить или всегда можно, или никогда нельзя».

Онъ былъ правъ. По крайней мѣрѣ, въ томъ, что съ человѣчески - религіозной точки зрѣнія, — а тѣмъ паче, съзвизъ, съ христіанской, — убить никогда нельзя.

Другой, идя на убійство, молился на золотой крестъ въ блѣдномъ утрепнемъ небѣ. — о чемъ? Объ удачѣ? Нѣтъ, онъ былъ христіанинъ; онъ молился, чтобъ наступило время, когда никто никого убивать не будетъ.

И здѣсь то же: убивать *нельзя*.

« . . . Въ углу, надъ лампадою, Око сіяющее

Глядитъ, грозя.

Ужель тамъ одно, никогда не прощающее,

Одно — нельзя ?

Нельзя! Вѣдь, душа, неисцѣльно потерянная,

Умереть въ крови . . . »

Первая смерть на землѣ — была человѣкоубійство, даже братоубійство. Таково начало древняго завѣта. А начало завѣта новаго — убійство Богочеловѣка.

Кажовы начала, таковы и продолженія. «Нельзя», остава-

якъ неизбежно во всей силѣ, — со всей силой, — и даже сверхъ силы, — непрерывно преступается.

Канново племя, вопреки данной Богомъ заповѣди, довело себя до того, что Господь, скрывъ свой ликъ Элоэма, благостнаго Бога - Знждителя, повернулся къ нему ликомъ Ягве, Бога крови и мщенья.

Но и потомки фарисеевъ, сдѣлавшись христіанами, вѣка жгли, пытали, колесовали — убивали христіанъ-же, все время помня, все время зная, что «нельзя», — какъ и ветхозавѣтные братья ихъ это знали.

И всегда всё искали что-то понять въ этомъ грѣхѣ, искали, если не оправданья, — то чего-то вродѣ оправданія...

Что находили? Что находятъ?

* * *

Только одно, что и можно найти. Около этого одного — блуждаетъ и авторъ книги о насиліи.

Съ длинными отступленіями, отговорками, при помощи отвлеченнѣйшихъ теоретическихъ построеній, хочетъ онъ подойти къ оправданію насилія, убійства (и... казни!). Между тѣмъ, единственная формула, если не оправдывающая убійство въ мѣру желанія Ильина, то оправдывающая его возможность, выражается всего тремя словами: «нельзя и надо».

Нельзя — по *еще* надо. Никогда нельзя, но *иногда* еще надо.

Это не упрощеніе (хотя напрасно упрощеній боится Ильинъ). Это сводка къ сути. Вѣдь, стоитъ развернуть маленькое слово «надо» (иногда — когда?) и мы сразу попадаемъ въ цѣлое море сложностей.

* * *

«Нельзя» поясненій не требуетъ. Оно просто. Нельзя и нельзя. Но почему, хотя нельзя — надо?

Если, согласно со многими мыслителями, смотрѣть на міръ, какъ на *становящійся*, восходящій къ совершенству въ процессѣ борьбы со зломъ (таковъ и взглядъ Вл. Соловьева), то *принятіе* міра (космоса, исторіи, — жизни), въ его текущемъ несовершенствѣ, означаетъ и принятіе волевого участія въ борьбѣ.

Путь непротивленія злу (отстраненія отъ борьбы), такимъ образомъ, съ самаго начала отвергается. Но на пути борьбы, — какъ сказать: вотъ здѣсь я борьбу кончаю? Съ этого момента я

злу и злему покоряюсь, изъ борьбы (изъ жизни) уйду? Въ душѣ человѣческой *могутъ* столкнуться два «нельзя»: нельзя уйти изъ борьбы, оставить мѣръ злу, — и нельзя убить человѣка. Тогда я преступаю те «нельзя», гдѣ могу погибнуть я самъ, въ грѣхъ, но не мѣръ, то-есть, я отдаю въ жертву себя — міру.

Этотъ трагическій выборъ человѣкъ дѣлаетъ одинъ — на одинъ съ собой, по мѣрѣ, — всегда несовершеннаго, конечно, — по *своего* разумѣнія. Каждая жизнь человѣческая можетъ быть пересѣчена моментомъ, когда человѣкъ рѣшаетъ, что *надо* убить, хотя *нельзя*.

И убиваетъ *).

Такова общая схема. Насколько я понимаю Ильина, онъ хочетъ что-то вроде нея положить въ основу — гораздо больше, чѣмъ оправданій, — своихъ «понуженій» въ мечу.

Кстати, не этотъ-ли волевой отгѣнокъ (опразданіе — понужденіе) заставляетъ его набѣгать прямыхъ словъ? Почему, упорно подчеркивая свое «христіанство», онъ уклоняется отъ слова «грѣхъ», называетъ убійство — «негрѣховной неправедностью» (выраженіе какое — то даже «неправославное»)? А насилія въ борьбѣ со зломъ вовсе, будто бы, не существуетъ, есть «дѣйствіе силой».

Къ этой странной терминологіи мы вернемся, а пока есть вопросъ поважнѣе. Ильичъ на немъ не задерживается, точно обходя сторонкой. Но его не обойти, особенно если доказывать не-

*) Какъ ни многообразно убійство среди сложностей реальной жизни, каждому (за отстраненіемъ животныхъ, сумасшедшихъ и нечаянныхъ) непременно предшествуетъ «нельзя и надо», — хотя бы въ видѣ мгновенной молніи, хотя бы полусознательно или даже совсѣмъ безсознательно. Однако, отъ этой единой общей точки есть линія вверху, и линія внизъ. Убійствомъ по линіи внизъ должно назвать всякое убійство для себя, т. е. для пріобрѣтенія чего-нибудь себѣ, и ужъ все равно, какихъ благъ: почести, власти или денегъ. И тутъ дѣйствуетъ «нельзя и надо», хотя и можетъ совершенно измелчиться: «нельзя» — какъ внѣшнее запрещеніе, страхъ наказанія, «надо» — какъ «мнѣ хочется» чего-нибудь, мнѣ выгодно.

Въ этихъ замѣткахъ я намѣренно касаюсь убійства только лежащаго по линіи вверху. Во-первыхъ, я думаю, что какъ разъ тутъ завязывается главный узелъ вопроса; а кромѣ того и самъ Ильинъ, о книгѣ котораго я говорю, помѣщаетъ вопросъ именно въ эту область.

обходимость - необходимость убійства въ борьбѣ со зломъ. (Мы бы сказали — «возможность»).

Это вопросъ — о злѣ.

**

Что такое зло? Гдѣ оно? Чѣмъ оно опредѣляется? Какъ его увидѣть, настоящее?

Ильинъ полагаетъ, что критерій — христіанство, и что одинъ христіанинъ непременно увидитъ зло въ томъ-же и тамъ-же, гдѣ другой.

Формально это, конечно, правда. Но . . . тутъ есть очень важное «но».

Христіанство — удивительная вещь. Оно не поддается обращенію съ нимъ, какъ съ древнимъ закономъ, который просто и ясенъ, укладывается въ общеобязательныя правила на всѣ случаи. Христіанство, не нарушивъ закона древняго, облекло его *новымъ духомъ* и тѣмъ совершенно преобразило. Въ сверхъ - законности этой переплавились всѣ понятія, и ею, въ ней, рѣшаются нынѣ наши «да» и «нѣтъ».

Люди «новаго духа» будутъ видѣть, конечно, и зло въ одномъ и томъ-же, — въ мѣру близости своей этому духу. Но близокъ ему не всякій, «говорящій Христу: Господи! Господи!», и далеко не всякій, кто даже имени Христа не знаетъ.

Не имѣя этого внутренняго, одного, критерія, люди «новаго духа» очень часто разнятся между собою въ оцѣнкѣ добра и зла. Гдѣ одинъ, искренно, видитъ зло, тамъ другой, такъ же искренно, его можетъ не видѣть. А когда, случайно, люди стараго и новаго духа и совпадутъ во взглядѣ на зло (это бываетъ), ихъ совместная съ нимъ борьба, рядомъ, все равно невозможна. Ибо, въ зависимости отъ стараго или новаго духа, борьбе съ самаго начала принимается то или другое теченіе, тотъ или другой образъ. Даже внѣшніе - сходственныя дѣйствія будутъ глубоко разными, и къ разнымъ приведутъ результатамъ.

Поэтому меня интересуютъ въ книгѣ Ильина не теоретическія положенія, и не высшія ея слова, а самое важное: ея духъ.

Какого она духа?

**

Ничто такъ не помогаетъ изслѣдованію, какъ конкретный примѣръ.

У Ильина нѣтъ ни имени, ни лица, о борьбѣ со зломъ онъ говоритъ «вообще», — у него нѣтъ конкретностей. Или есть, но

онѣ гдѣ-то скрыты за плотнымъ заборомъ изъ отвлеченно - теоретическихъ пазей.

Вотъ, впрочемъ, одно подлинное имя, подлиннаго человека. Тутъ можно кое-что взять въ видѣ примѣра, и даже поучительнаго.

На многихъ страницахъ Ильинъ занимается борьбой... съ Л. Толстымъ. О, конечно, съ «непротивленствомъ» Толстого. Но, если быть внимательнымъ и логичнымъ, можно прослѣдить, какъ борьба со зломъ «непротивленства» переходитъ (и конкретно перешла бы въ конкретную, при другихъ обстоятельствахъ), — въ борьбу съ самимъ Толстымъ. Вѣдь, по Ильину, — «зло только къ человекѣ». Ити противъ зла — значитъ ити противъ человека.

Ведется эта борьба именно такъ, какъ долженъ ее вести любящій «духовно - отщипательной» любовью. Для него Ильинимъ установлены, съ самой рѣзкой точностью и «въ строгой, постепенно нарастающей, послѣдовательности», 25 общеобязательныхъ правилъ:

1. Неодобреніе.
2. Несочувствіе.
3. Огорченіе.
4. Выговоръ.
5. Осужденіе.
6. Отказъ въ содѣйствіи.
7. Протестъ.
8. Обличеніе.
9. Требованіе.
10. Настойчивость.
11. Психическое понужденіе.
12. Причиненіе психическихъ страданій.
13. Стротость.
14. Суровость.
15. Негодованіе.
16. Гнѣвъ.
17. Разрывъ въ общеніи.
18. Войкотъ.
19. Физическое понужденіе.
20. Отвращеніе.
21. Неуваженіе.
22. Невозможность войти въ положеніе

и, наконецъ, три послѣднихъ звена, заключающія эту неразрывную цѣпь, три звѣры, которыя *необходимо* примѣняются

(если не подѣйствовали предыдущія, или если нѣтъ времени для предыдущихъ); ихъ, логически, Ильинъ *обязанъ* былъ бы примѣнить къ Толстому:

23 Пресѣченіе.

24. Безжалостность.

25. *Казнь*.

Есть, положимъ, еще одно правило для «духовно - любящаго»: казнь, молиться за казнимаго. Но молитву пока оставимъ. Намъ важно установить, что, живи Толстой не при Николаѣ II, а при Ильинѣ, — просьба «накинуть мыльную веревку на его старую шею», не осталась бы втуне.

Скажутъ: это примѣръ - гротескъ. Почему? Ильинъ врядъ ли захочетъ признать свои теоріи завѣдомо - отвлеченными, а не захочетъ, — какъ же уклониться отъ признанія, что да, казнь Толстого является послѣдовательно - обязательной?

Вѣдь, «ни прошеніе, ни снисхожденіе, ни пѣмпа теоріи — недопустимы». Если зло, подлежащее уничтоженію, оказывается неотдѣлимо отъ человѣка, — уничтожается человекъ. А такъ какъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, Толстого не вразумили бы никакія предварительныя мѣры, даже «причиненіе психическихъ страданій», то выводъ для «отрицательно - любящаго» ясенъ: пусть повиситъ старичокъ, а мы помолимся.

Это хорошій примѣръ, разносторонне поучительный, хотя и «гротескъ». Мы его дополнимъ, подчеркнемъ: всѣ *слова* Ильина о христіанствѣ, его словесныя обоснованія христіанства — вѣрны и правильны (хотя такъ общеизвѣстны, что удивляешься, зачѣмъ понадобилось ихъ произносить тономъ «откровенія»).

Слова-же Толстого о христіанствѣ, всѣ или почти всѣ, особенно въ вопросѣ о непротивленіи, и невѣрны, и неправильны. Ничего нѣтъ легче, нежели «вскрыть» противорѣчивость Толстого и «зло» его непротивленія. Эту легкую задачу Ильинъ, попутно, выполнилъ съ успѣхомъ.

А теперь я спрошу: изъ нихъ двухъ, чьи слова, чья воля ближе къ *духу* христіанства? Не Толстого-ли, все-таки, котораго и «христіанникомъ» то назвать, пожалуй, еще нельзя? За его безпомощными, противорѣчивыми, спутанными словами стоитъ, если и не ликъ Христа, то страданіе Христово — навѣрное... А

чей голос слышеть въ «правилахъ» Ильина, до послѣдняго, — окончательнаго? Отъ кого идутъ эти приказы, эти предписанія «любви», которую любящій, въ самомъ лучшемъ случаѣ, ощущаетъ, какъ *ревность*, а любимый — всегда, какъ *ненависть*?

Воля такой «любви», ея духъ, не напоминають-ли опять духъ ревниваго Бога кровей, Игве, Сына не знавшаго?

Ильианъ оговаривается: ненависти не должно быть. Не съ ненавистью, а съ любовью (высшей) надо примѣнять «пресѣченіе, безжалостность, казнь».

Положительно, голое слово — «звукъ пустой». Чѣмъ чаще повторяетъ Ильинъ слово «любовь», тѣмъ упорнѣе воспринимается ея звукъ въ значеніи «ненависти». Не объ этой ли Ненависти — съ большой буквы — говорится въ одной старой, довольно противной, пѣснѣ? Пять ея строчекъ мнѣ вдругъ пришли на память:

«Нѣтъ, нѣтъ, любовь не дастъ спасенья.

И нѣтъ спасенія въ любви!

Ты, Ненависть, сомкни плотнѣе звенья,

Ты, Ненависть, туманы разорви!

Мы взяли въ руки Мечъ: пока онѣ не сгнили»...

Дальше не помню. Пока, значить, не сгнили руки, не выпускай меча, люби рубя, руби любя... или ненавидя, что безразлично. Духъ отъ звука не измѣнится. А духъ этой пѣсни и духъ обязательныхъ правилъ и понужденій въ мечу Ильина — одинъ и тотъ же духъ.

Понужденіе...

Есть еще одна черта въ ильинскихъ писаніяхъ, характерная и, на мой взглядъ, немаловажная.

Но сначала устранимъ бесполезные обходы и оговорки, возвратимся къ словамъ прямымъ и точнымъ: насиліе есть насиліе, убійство — убійство, и доказать, что, съ христіанской точки зрѣнія, оно не «грѣхъ», а какая-то «негрѣховная неправедность», — нельзя, сколько ни старайся. У Ильина и прямой, понятной, формулы «нельзя и надо» — нѣтъ; вмѣсто «надо» онъ говоритъ «приходится». Какъ будто смягчаетъ, но какое ужъ смягченіе, когда это негрѣховное дѣйствіе совершать «приходится», — обязательно!

Не въ рекомендаціи обязательности, впрочемъ, дѣло. Не въ

деталяхъ, а въ главномъ: съ новымъ духомъ несомнѣнима, для всего нестерпима всякая рекомендація *убійства*. Все разсужденія, старанія убѣдить другого въ необходимости убивать, всякая проповѣдь смертоубійства, *понуждение* къ нему — есть дѣйствіе недопустимое, и въ той плоскости, куда помѣщаетъ Ильинъ, называется *грѣховнымъ*.

Человѣкъ, знающій о «нельзя» (нельзя убить) можетъ рѣшиться на пре - ступленіе этой черты только самъ; въ себѣ, за себя рѣшаетъ, самъ - одинъ, какъ самъ - одинъ умираетъ. Самъ беретъ и грѣхъ, и отвѣтъ; самъ, вольно, владеть душою своею, не «сохраняетъ». И за что, во имя чего, когда *надо* положить душу, — тоже рѣшаетъ самъ - одинъ.

Какъ смѣть толкнуть другого на преступленіе и на жертву? Какъ *сказать* другому: иди на свою душевную гибель, ты обязанъ, иного пути нѣтъ? Какъ посылать на убійство, предписывать его, поуждять къ нему?

То, что говорилъ людямъ Толстой, — пусть и не вѣрно, и не реально, пусть даже вредно: но это *можно* говорить другимъ. А есть слова, на которыя никто не имѣетъ ни божескаго, ни человѣческаго права.

«... Пусть сердце угрюмое, всіми оставленное
 Со мной молчить.
 Я знаю, какое сомнѣнье расплавленное
 Въ тебѣ горитъ.
 Законы Господніе дерзко пытающему
 Одинъ отвѣтъ :
 Черту заповѣдную преступающему
 Возврата нѣтъ.

Нельзя! Вѣдь душа неисцѣльно потерянная,
 Умереть въ крови.
 И — надо! Твердить глубина неизмѣренная
 Твоей любви.

Въ измѣнѣ обѣту, нигдѣмъ не развязанному,
 Предѣлъ скорбей.
 И все-таки сдѣлай по слову *не сказанному*
 Иди . . .»

Вотъ это, навсегда «не сказанное», послѣднее слово «убей» — съ легкомысленной авторитетностью Ильинъ и твердить на всѣ лады, «всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ».

Какъ деревяннымъ молоткомъ стучить: престѣченье — безжалостность — казнь. безжалостность — понужденъе — казнь — казнь — казнь... ты обязанъ — долженъ — бери мечь — иди — иди...

Но не пойметъ, почему говорить этого *нельзя* (и ужъ безъ всякаго *надо*), — написавшій книгу о насиліи. Чтобы понять, — нужно быть «живого духа», того, въ которомъ *по новому* открылись для насъ вѣчныя плинности.

Вотъ двѣ невѣдомыя Ильину: первая — Человѣкъ (Личность) и вторая — Свобода.

*

**

Возвратимся къ «злу» и борьбѣ съ нимъ.

Ильинъ утверждаетъ обязанность каждаго бороться со зломъ по правиламъ, имъ начертаннымъ, — вплоть до казни.

Представимъ себѣ второго Ильина: онъ, совершенно такъ же, утверждаетъ ту же обязанность и тѣ же правила.

Но внутренняго критерія для распознаванія зла у нихъ одинаково нѣтъ: оба — «не того духа». Поэтому, взгляды на зло у нихъ можетъ не только не совпасть, а даже противостояться: первый Ильинъ будетъ видѣть зло во второмъ, второй — въ первомъ.

Тогда борьба со зломъ дѣлается для нихъ борьбой другъ съ другомъ.

Подобные во всемъ, въ волѣ и духѣ, исповѣдуя безжалостно тѣ же неотступные законы, они находятся *въ равнѣствѣ противостоянія*.

Во что выльется борьба этихъ двухъ со зломъ, т.е. другъ съ другомъ? Кто кого побѣдитъ?

Или. — уточнивъ и сгруппировавъ вопросъ: кто кого казнить? Первый второго? Второй первого?

Это, въ каждый данный моментъ, будетъ рѣшаться преобладаніемъ голой физической силы. Сегодня физическая сила на сторонѣ первого, — или первыхъ, — казнить оны: завтра этой силы окажется больше у вторыхъ, — казнены будутъ первые.

А такъ какъ физическія силы, при духовно-идейномъ равенствѣ противостоянія, тѣло случайное, то никакого результата, кромѣ перемежающагося успѣха, — ряда казней, то однихъ, то другихъ, — подобная борьба имѣть не можетъ.

Кругъ, изъ котораго нельзя вырваться. Дурная безконечность.

Ну, а если ошибаются *не* оба? Если одинъ изъ противниковъ, дѣйствительно, носить въ себя зло, и другой попалъ вѣрно?

Ничто не измѣнится и въ этомъ случаѣ. Мѣняется дѣйствительность, сводить ее съ мертвой точки, разрываетъ кругъ — только *новый духъ*. Соприкасаясь съ матеріей, — лишь онъ даетъ времени движеніе (превращаетъ «durée» — въ «temps», по Бергсопу).

Борьба даже съ дѣйствительнымъ зломъ, но въѣ духа новаго, — бессмысленна, ибо круговращательное взаимоистребленіе не только не наноситъ злу ущерба, — оно его умножаетъ.

Если-же дѣйствія, по духу и смыслу одинаковыя, сопровождаются не одинаковыми, а разными словами, — это-ли важно?

Такъ мало значать слова, что легче легкаго, напимѣръ, передѣлать книгу Ильина «отъ лица» его противника, любого, только принимающаго, конечно, его общую теорію и частныя «правила».

Мы в сами, порою, не подозрѣваемъ, какія глубокія произошли въ насъ перемѣны. Не въ сознаніи — такъ въ крови; но мы ихъ въ себѣ уже носимъ.

Развѣ по старому звучать теперь «нельзя» (нельзя убить), хотя и было оно въ древнемъ законѣ? И развѣ не исполнилось новаго трагизма внутреннее повелѣніе «надо», надо преступить, положить душу?

Опять вспоминается мнѣ убійца, что молился на золотой крестъ въ бѣломъ утреннемъ небѣ. Онъ зналъ, что —

«Тайна есть великая, запретная:
Солнцу кровь не болѣно показывать...»

Зналъ и молился не объ «удачѣ», — объ этомъ нельзя молиться, — но чтобы скорѣе наступило время, когда никому не надо будетъ поднимать на плечи тотъ тяжелый крестъ, который подиалъ онъ... ради свободы другихъ.

Ильинъ провозноситъ много банальныхъ справедливостей о христіанствѣ. Знаю, что онъ непременно казнилъ бы *этого* христіа-

нина, съ молитвой. Но знаю также, что ему — никакія Ильинскія молитвы не нужны.

*

**

Мѣняемся не только мы, наше внутреннее отношеніе къ жизни, — нашъ духъ: онъ, по мѣрѣ своего роста, измѣняетъ и вѣщныя формы жизни, измѣняетъ реальность. Но въ ней переменны происходятъ такъ медленно, такъ неуслѣдимо, съ такимъ кажущимся запозданіемъ, что мы то и дѣло падаемъ въ ошибки: вдругъ, упреждая и насилуя время (теченіе исторіи во времени), мы начинаемъ разрушать еще не вполне изжитую въ реальности форму. Гораздо хуже другая ошибка: насиліе надъ временемъ *въ обратную сторону* (Вейцпиггеръ называлъ это, то-есть, утвержденіе дѣйствительно отошедшихъ въ прошлое формъ, какъ живыхъ и настоящихъ. — безразличностью). Такая ошибка предполагаетъ слѣпоту и къ внутреннему процессу, слѣпоту, которой какъ разъ страдаетъ Ильинъ.

Что касается Толстого — онъ просто не считался вовсе съ процессомъ исторіи, а только съ процессомъ своей логики. Взавъ «убійство» въ понятіи его послѣдней сущности (нельзя), ее и утвердилъ на всѣ времена, логически спустивъ нить до отрицанія борьбы (даже — съ мухами: *).

*

**

Убійство входитъ во многія формы жизненной борьбы — *какъ возможность*.

Какъ *непрежнность*, — оно уже выпадаетъ изъ понятія «борьбы», становится самоцѣлю, и можетъ быть названо максимумомъ убійства.

Очень характерно, что Ильинъ не дѣлаетъ различія между убійствомъ - возможностью (въ борьбѣ) и убійствомъ - непрежнностью (обнаженный максимумъ). Внутренне разнаго отношенія къ нимъ онъ не имѣетъ.

Мы увидимъ это, если остановимся здѣсь на нѣкоторыхъ конкретныхъ формахъ борьбы и жизни, — и, прежде всего, на вопросѣ, близко нашей темы касающемся и остро волнующемъ современное сознание, — на вопросѣ *о войнѣ*.

*) Въ его дневникѣ: «я побѣдилъ мухъ!» Т. е. побѣдилъ свое желаніе бороться съ мухами, отгонять ихъ, когда онѣ ему мѣшали работать.

Ильинъ и Толстой, оба рассматриваютъ войну съ «христіанской», — какъ они говорятъ, — точки зрѣнія. И оба приходятъ къ совершенно противоположнымъ выводамъ.

Коллективное убійство! — говоритъ Толстой. То, чего «нельзя» — никогда: ни прежде, ни теперь, ни потомъ. Ибо сказано: любите враговъ вашихъ, не противьтесь злему и т. д.

Ильинъ, чтобы обосновать свои обратныя утверждения, приводитъ другіе тексты. Вѣдь, для него христіанство — тоже «законъ», пемного туманными линиями очерченный, правда. На- жаль, крѣпче опредѣлить эти линіи, Ильинъ и стремится, когда подыскиваетъ нужные тексты.

Перелицовка понятій и словъ при этомъ неизбежна. Оттого у Ильина, въ широкомъ кругѣ «борьбы со зломъ», насиліе оказывается уже не насиліемъ, грѣхъ называется не грѣхомъ; а для «враговъ» пришлось ему изобрести особую любовь. — «отрицательную», которая узаконяетъ убійство во всѣхъ видахъ, и даже съ молитвой. Впрочемъ, молитва не обязательна, такъ какъ самъ разнѣй «мечъ» названъ «молитвой»...

Споръ между Ильинимъ и Толстымъ безплоденъ, безвыходенъ. Попробуемъ призвать на помощь третьяго современнаго христіанина, но уже дѣятельнаго, причастіе котораго къ христіанству и вообще къ «новому духу» ниѣмъ не оспаривается (случай крайне рѣдкій). Приводимыя ниже слова изъ одной его небольшой статьи — есть прямой отвѣтъ и Толстому, и, главное, Ильину. Тутъ-же мы найдемъ кое-что разрѣшающее и наши сомнѣнія по вопросу о войнѣ.

Это — статья — письмо Влад Соловьева объ историческихъ судьбахъ Испаніи.

Основной взглядъ Вл. Соловьева на исторію, какъ на всечеловѣческой путь *восхожденія во времени* — извѣстенъ *).

Но путь этотъ не легокъ и не прямъ: онъ съ заворотами, съ

* Единственный, кстати, взглядъ, который объясняетъ нашу неумирающую волю къ «борьбѣ со зломъ». Безъ воли къ борьбѣ и воли въ борьбѣ — вообще нѣтъ борьбы. Но воля въ борьбѣ — не что иное, какъ вѣра въ побѣду, притомъ окончательную. Первичное, природное ощущеніе «зла» — это чего-то мѣшающаго жизни, портящаго

петлями, съ провалами. Въ статьѣ о судьбахъ Испаніи Соловьевъ указываетъ на ея срывъ въ «троякую илліаду христіанству», въ «адское дѣло палачества» — инквизицію, — послѣ долгаго періода «христіански - праведной» борьбы, которую она вела съ оружіемъ въ рукахъ.

«Какъ? — прерываетъ себя Соловьевъ. — Военные подвиги были подвигами христіанскими? А слова Христа — кто подыметъ мечъ и т. д.? А слова о любви къ врагамъ, о непротивленіи злему? Эти слова извѣстны всѣмъ, но, позидимому, не всѣ помнятъ правило для пониманія этихъ и всякихъ другихъ евангельскихъ словъ, правило, данное, однако, гѣмъ-же Христомъ: «слова Мои суть духъ и жизнь». А изъ этого правила ясно, что повторять бубну того или другого гекзета еще не значить выражать его истинный смыслъ. Если-же проникнуться этимъ смысломъ, то понятна станетъ и слѣдующая истина, которая, казалось бы, ясна, какъ Божій день...» «Вотъ она: можно допустить употребленіе человѣкомъ оружія, нисколько при этомъ не измѣняя духу Христову, а, напротивъ, ощущаясь имъ, — и точно такъ же можно на словахъ и на дѣлѣ безсловно отрицать всякое вооруженное дѣйствіе и въ самомъ этомъ отрицаніи безсознательно и даже сознательно измѣнять духу Христову и отчуждаться отъ него. Люди, вѣрные этому духу, руководятся въ своихъ дѣйствіяхъ не какими-нибудь внѣшними, хотя бы по буквѣ и евангельскому, предписаніямъ, а внутреннею оцѣнкою, по совѣсти, данного жизненнаго положенія»

Это — основѣдъ (и какая ясная!) тѣмъ, кто не новый *духъ*, а *законъ* видитъ въ христіанствѣ и съ безпомощнымъ упорствомъ пытается заключить его въ «правила» на всѣ случаи жизни. А вотъ что Соловьевъ говоритъ дальше — о насиліи, войнѣ, убійствѣ и различіи его формъ.

«Какъ бы мнѣ яснѣе обозначить и опредѣлить тотъ узкій, но единственно — надежный мостъ, которымъ должно идти человечество между двумя безднами. — мостъ къ истинному и могучему добру между бездною мертвого и мертвящаго «непротивленія злу» съ одной стороны и бездною злого и также мертвящаго насилія, съ другой? Гдѣ проходить черта, которая отдѣляетъ принужденіе, какъ подвигъ самопожертвованія за другихъ, отъ насилія, какъ неправды и злодѣйства? *Есть-же эта черта...*»

жизнь, задерживающаго ея движеніе (по линіи вверхъ?). Но такъ-же природно ощущаемъ мы и возможность полной надъ нимъ победы, находимъ ту-волю-вѣру, безъ которой невозможенъ быть-бы самъ фактъ борьбы.

Вопросъ — влзотную подходящій къ темамъ ильинской книги. Гдѣ-же, въ чемъ же эта черта?

Она будетъ намъ показана, и съ большой рѣзкостью.

«Прежде, чѣмъ давать ей логическія опредѣленія», говорить Соловьевъ, «обратимся къ совѣсти». Къ обыкновенной *совѣсти* человека, — «независимо отъ *религиозныхъ* *) убѣждений», — и спросимъ: чувствуетъ ли онъ дѣйствительное «правственное негодование» къ подвижнику, «когда онъ благословляетъ и одобряетъ воиновъ, идущихъ освобождать отеческую землю отъ рабства?» (Сможетъ ли «*совѣсть*» назвать и благословляющаго и этихъ воиновъ, — «злѣдьями»?)

Нѣтъ; «совѣсть» этого не сможетъ. А между тѣмъ, — говорить далѣе Соловьевъ, — убійство и человекъ, совершающій его «какъ уполномоченный стъ общества», — вызываютъ въ насъ ужъ не «нравственное негодование, а прямо нравственное *отераженіе*, смѣшанную съ ужасомъ гадливость».

Соловьевъ иллюстрируетъ яркими примѣрами «эту странную, но несомнѣнную противоположность въ нашемъ отношеніи къ двумъ *убійцамъ*». Откуда она?

А вотъ откуда: «войнъ и палачъ, производя одинаковые факты, совершаютъ различныя, до противоположности, *дѣла*».

Слѣдуетъ объясненіе, удивительное по своей точности. Если-бъ мы такъ непростительно, такъ непонятно не забыли Соловьева, мнѣ не нужно было бы приводить воѣхъ этихъ цитатъ, и давно были бы разрѣшены очень многія изъ нашихъ сомнѣній; Ильинъ-же постыдился бы, конечно, выступать передъ нами со своими новыми «христіанскими правилами»...

Но простыя, точныя, нужныя опредѣленія Соловьева забыты; я о нихъ напоминаю.

«Отнятіе человѣческой жизни (убійство) вообще не входитъ непременно въ намѣреніе воина, не есть его настоящее дѣло, и, конечно, мы уважаемъ военную доблесть не за совершаемыя на войнѣ убійства»... «Ихъ можетъ и вовсе не оказаться, а доблесть и уваженіе къ ней останутся тѣ же». «Нѣтъ войны -- безопасность. Если этой пѣли можно достигнуть безъ грубаго насилія. — тѣмъ лучше. Непрiятеля, положившаго оружіе, не убиваютъ. Напротивъ, самое назначеніе палача именно въ томъ, что-

*) Вездѣ курсивъ подлинника

бы отнимать жизнь, — казнить, — иначе дѣло его не исполнено. Палачъ убиваетъ обезоруженнаго *). Здѣсь прямая цѣль — убійство».

И единственная, прибавимъ. Въ казнь — убійство не входитъ видѣ менѣе или болѣе вѣроятной возможности, какъ оно входитъ въ войну и въ другія сложныя формы борьбы. Благословеніе на войну не есть благословеніе на *убійство*. Но благословеніе на казнь, понужденіе къ ней, — есть именно понужденіе къ убійству, голому убійству — максимумъ, — въ его самоцѣльности.

Соловьевъ продолжаетъ параллель, углубляя понятія: «война не отрицаетъ никакихъ человѣческихъ правъ непріятеля. Война предполагаетъ *дѣятельную* силу съ обѣихъ сторонъ, онѣ равноправны (борьба) и человѣческое достоинство не оскорблено ни въ комъ. Въ казни, напротивъ, палачу предоставляется никому не принадлежащее право распорядиться чужой личностью, какъ бездушнымъ предметомъ. Итакъ, все дѣло въ томъ, что отношеніе война къ непріятелю, при всѣхъ своихъ аномаліяхъ, сдѣланныхъ войны, остается все-таки на почвѣ естественныхъ, нравственныхъ, *человѣческихъ* отношеній, тогда какъ отношеніе палача къ жертвѣ *по существу* безнравственно, безчеловѣчно и противоестественно». «Вотъ ясная и непреложная грань между дозволеннымъ и недозволеннымъ. Этой черты не сотрутъ никакіе софизмы».

Этой черты Ильинъ и не стѣраетъ: онъ попросту ее *не видитъ*. Спокойно подымкиваетъ тексты. — «буквы закона», — перевортываетъ понятія, отнимая у нихъ собственныя имена, или произвольнымъ сочетаніемъ словъ уничтожаетъ цѣнность («отрицательная любовь») — все для оправданія убійства до его максимума включительно. Онъ съ какою то, — если можно такъ выразиться, — естественной противоположенностью равняетъ «честное насиліе война» съ «безчестнымъ насиліемъ палача», даже не замѣтивъ «противоволожности ихъ дѣлъ».

Въ неразрывной цѣпи «строга - послѣдовательныхъ» правилъ — казнь лишь одно изъ звеньевъ. Она, конечно, не болѣе грѣховная несправедность для Ильина, чѣмъ дѣйствіе военное. А ужъ по сравненію съ тѣмъ убійцей, который шель «душѣ поло-

*) Съ этой точки зрѣнія, «кремлевцы», если бы даже дѣло убійства Николая II съ семьей было ихъ единственнымъ дѣломъ подобнаго рода, должны быть названы именно «палачами», просто въ смыслѣ точнаго ихъ опредѣленія

жить» за чужую свободу. — палачь, пожалуй, и совѣтъ праведникъ.

Приверженный «закону», Ильинъ просмотрѣлъ, однако, — «законъ правды, корень всѣхъ человѣческихъ правъ и отношеній», который Вл. Соловьевъ, отъ «новаго» духа, опредѣляетъ такъ: «Уважай въ своемъ и во всякомъ другомъ лицѣ человѣческое достоинство и ни пѣз какого человѣческаго существа никогда не дѣлай страдательнаго орудія вѣблнней ему дѣли».

Но можно ли уважать что либо въ «лицѣ человѣческомъ», ничего не зная объ атомъ «лицѣ», о челоѣкѣ — личности? Можно ли увидать черту, отличающую *еще* живое отъ *уже* мертваго, не слышавъ даже, что «нельзя», «не убій» — по иному звучать теперь, по новому, не такъ, какъ звучали для древнихъ?

Та, не такъ.

Учѣбный наше отношеніе ко многому, — между прочимъ, къ убійству. — мы уже и къ войнѣ относимся не совѣтъ по-прежнему. Последняя европейская война это особенно подчеркнула

«Самая ужасная война.. Объективно самая ужасная, — или *для насъ* была она такой? Пожалуй, среди не только древнихъ, но даже позднѣйшихъ европейскихъ войнъ, многія окажутся «ужаснѣе», если разсматривать ихъ вѣб исторической линіи. Но какая возбуждала столько сомнѣній, столько новыхъ ощущеній и мыслей? Когда говорилось съ нашей неотвязчивой страстностью о «дѣлахъ» войны? А настойчивость, съ которой искали ея «виновника», перваго «поднявшаго мечъ»? И всѣ страны, не включая и Германіи, съ равнымъ негодоваемъ отвергали эту «виновность», всѣ заявляли, что для нихъ «дѣлъ войны — безопасность»...

Среднеѣковный Вл. Соловьевъ, конечно, не сталъ бы и писать, объяснять, что главное въ войнѣ, — дѣлъ, что дѣлъ — не убійство, и что война, съ ея громадными возможностями убійства, («нельзя»), все таки *можетъ* быть подвигомъ («начо»). Не пришло бы въ голову тогдашнему Соловьеву отвѣтять на то, о чемъ никто не спрашивалъ. Это зналось, — въ мѣру своего времени, — такъ, какъ было нужно. Намъ, въ мѣру нашего времени, нужно знать иначе, — яснѣе, опредѣленнѣе

Узоръ современнаго отношенія къ войнѣ — сложенъ. Въ него ввиваются новыя нити. И, кажется, опредѣленія Соловьева даютъ самую точную мѣру того, что мы о войнѣ можемъ думать

п какъ должны къ ней, реальной, относиться, — въ соответствіи съ «мѣрой возраста» нашего духа.

Ильину все-таки приходится считаться съ современностью: вѣдь, поощряя къ бою и казни, онъ ищетъ доводы въ ихъ пользу, ищетъ ихъ «оправдать». Ему самому эти оправданія не нужны. Совершенно такъ же, какъ были бы не нужны, еслибы, вѣковъ 30 тому назадъ, онъ звалъ на войну съ моавитянами, или дѣлалъ приготовления въ всеародному перепиливанію плѣнныхъ филистимлянъ тудыми пилами.

Справедливость требуетъ прибавить, что Ильинъ, въ тѣ времена перенесенный, имѣетъ полное право обойтись безъ оправданій.

Кто-то сказалъ: «нѣтъ ничего таинственнѣе законовъ исторіи». Да, и потому нѣтъ ничего труднѣе, какъ «узнавать лицо своихъ временъ».

А теперь пора поговорить на чистоту.

Пора взглянуть въ книгу Ильина подальше, за тотъ заборъ, который онъ выстроилъ изъ философическихъ палей. Не такъ ужъ плотенъ и непроницаемъ этотъ заборъ.

Изысканный читатель имъ не обманется. Меня, напримѣръ, не изумило даже внезапное появленіе. — къ концу книги, — Царя. Откуда-бы, казалось, взяться обыкновеннѣйшему царю въ отвлеченно-философскій трактатъ? Да еще съ полной естественностью, какъ будто конкретный царь тамъ пребывалъ съ самаго начала.

Онъ и пребывалъ. Ибо книга «О сопротивленіи злу», — книга *политическая*. Психологическо-религіозно-философскія разсужденія судать лишь прикрытіемъ опредѣленной политической идеи, даже тактики и практики, съ опредѣленными, въ опредѣленную сторону направленными, политическими цѣлями.

На что-же понадобились прикрытія?

Можетъ быть, и это своего рода тактическій приемъ. Русскій человекъ — любитъ пофилософствовать. Склонность «русскихъ мальчиговъ» къ отвлеченнымъ разсужденіямъ подъ трактирную «Люцію» давно подмѣчена Достоевскимъ. И кушанье, подаваемое подъ философскимъ соусомъ, легче и незамѣтнѣе проглатывается.

Не хотѣлось бы употреблять слово «пропаганда»: но другого нѣтъ, и приходится сказать: нарочито выдержанная въ полъи пропаганда — иной разъ дѣйствительнѣе открытой.

Какойнибудь «русский мальчишк» и царя на предпоследней страницѣ проглотить безъ удивленія, — если къ концу книги онъ уже неапатично сталъ чувствовать себя «царскимъ слугою». Не всякаго, вѣдь, раздражать и тяжелый, дубовый языкъ (точно не по русски, точно переводъ съ иностраннаго!) и условно торжественная лирика Ильина, и дешевость его философской постройкы: а уаь павѣрно радуютъ — неприхотливыхъ, — привычно — знакомыя православныя банальности и привычно — высокія слова о доблести, силѣ, мечѣ... Если совѣсть все таки заволпована — ея успокоить завершенія, что никакое убійство, никакое палачество, — не грѣхъ, а только, развѣ, невинная, негрѣховная, неправедность..

Впрочемъ, есть въ книгѣ Ильина пѣчто, — и довольно страшное, — передъ чѣмъ можетъ остановиться всякій человекъ, мало мальски внимательный.

*

**

Это страшное — смѣшанность. Ильинъ не соединяетъ, но все *смѣшиваетъ* другъ къ другу.

Религія у него вплутана, ввязана въ политику. Именно ввязана, а не связана съ ней. Коренную, глубокую связь между религіей и политикой трудно отрицать послѣ Ва. Соловьева; но приуроченіе религіи (и философіи) къ известнымъ политическимъ построеніямъ, прикрыванье очень опредѣленной политики «божественностью», — не связь, а использование религіи для политики.

Отсюда и всѣ другія спутыванья — смѣшиванія: справедливое вмѣшано къ недопустимому, человечность — въ безчеловѣчье, нужное и вѣрное, — въ вопиющее, слова о Христовомъ духѣ — въ духъ маленькой, острой злобности, молитва — въ палачество.

И смѣсь составлена такъ, что справедливое и человечное изъ нея уже невыдѣлимо, и не только не побѣждаетъ вопиющаго и трусливо — метительскаго, но само въ нихъ разлагается. Призывъ къ «борьбѣ со зломъ», — дѣлается гримасой, слова о молитвѣ подъ висѣлицей — звучать, какъ богохульство, а торжественное требованіе чистоты и высоты любви.. отъ палача — похоже на кощунственную, плоскую насмѣшку.

Тутъ Ильина покидаетъ и послѣдній духъ, — духъ древняго Ягве, чья «непрестанная ревность пылаетъ, какъ огонь»; ибо, хотя «саша въ рукѣ Его, и вино кипитъ въ ней, полное смѣшенія»... — оно полко не такого, — иного, — «смѣшенія».

Но перейдемъ къ полной конкретности: къ *политической* стороне данной книги.

**

Подъ общими разсужденіями о «борьбѣ со зломъ», въ книгѣ разумѣется борьба съ «революціонизмомъ», еще уже — съ «коммунизмомъ», и еще уже — съ русскими большевиками (главными, по мнѣнію Ильина, «революціонерами»).

Съюзимся и мы, и посмотримъ, что можетъ выйти изъ конкретной борьбы «ильинцевъ» (носителей политической идеи Ильина) съ коммунистами.

Центральная политическая идея Ильина — *власть одного надъ всеми* (автократія).

Центральная политическая идея коммунистовъ — *власть всѣхъ надъ однимъ* (охлакратія *)

Обѣ идеи, если угодно, — «религіозныя», въ томъ широкомъ смыслѣ, въ какомъ всякая идея, по существу, — религіозна.

Обѣ идеи равно и одинаково противны духу новому, для него неприемлемы, уже потому, что ни та, ни другая не знаютъ главныхъ, въ немъ открывшихся, цѣнностей: Человѣка - Личности и Свободы.

Обѣ идеи, такимъ образомъ, находятся въ *равенствѣ противостоянія*.

Выше мы уже говорили, что можетъ дать идейное равенство противостоянія. Когда оно выливается въ реальное столкновение между носителями подобныхъ идей — результатъ этого столкновения тотъ же: дурная безконечность, — въ реальномъ образѣ.

На тотъ же вопросъ: кто кого казнить? снова тотъ же отвѣтъ: будутъ казнить тѣ и другіе, поочередно, смотря по тому, на чьей сторонѣ въ данный моментъ окажется преобладаніе физическихъ силъ.

Дѣйствительность (или Жизнь) ни на линію не сдвинется при этомъ съ мертвой точки. Въ самомъ дѣлѣ, казнить-ли сегодня одинъ, — съ ругательствомъ, — а завтра другіе, — съ молитвой, — что мнѣнать повторяющаяся перемѣна ролей?

Физическая же сила, ея преобладаніе, — случайность. Физической силой можно, конечно, одолѣть, схватить, взять: это дѣ-

*) Беру это слово въ прямомъ, настоящемъ значеніи, а не въ историческомъ. Коллективъ, гдѣ уничтожается личность (единица), дѣйствительно можетъ быть названъ «черною».

ло физики. Но сохраненіе, закрѣпленіе взятаго, въ подлинномъ смыслѣ «за-воеваніе», — это уже дѣло духа. Потому и рѣшаетъ лишь онъ настоящую *нужбу*, которая вовсе не есть мгновенное и случайное «одолѣнье».

**

Резюмируемъ.

Общее утвержденіе Ильина, что «*сопротивляться злу нужно*» — совпадаетъ съ правдой.

Частное его утвержденіе, что «*коммунизмъ есть зло*» — совпало съ правдой.

Но это случайныя, формальныя и — необыкновенно короткія совпаденія. Едва мы удлиннимъ: «сопротивляться злу нужно...», прибавивъ: «силой, насилемъ», — какъ совпаденіе исчезнетъ. И вовсе не потому, что силы и насилія въ борьбѣ со зломъ не можетъ быть; напротивъ, оно тамъ очень можетъ быть; да только понуждающее къ нему: «нужно...» сказано быть не можетъ.

А что иное, какъ не случайность, второе вѣрное ильинское утвержденіе: «коммунизмъ есть зло»? Не имѣя необходимаго духовнаго критерія, чтобы различать и опредѣлять зло, какъ зло, — Ильинъ не имѣетъ возможности вскрыть и подлинное зло коммунизма. Да и попытокъ подойти къ его природѣ и существу онъ не дѣлаетъ: онъ «зломъ» его попросту — *называетъ*.

Очень характерно: человѣка со «злой» волей нужно казнить; почему нужно — это въ подробности доказывается; но почему «зла» воля даннаго человѣка, почему то, чего онъ хочетъ, — «зло», — тутъ объясненій нѣтъ. На «злѣ» Ильинъ не останавливается. Зло — значитъ зло.

Въ иныхъ случаяхъ прибавляетъ къ тому, что уже назвалъ зломъ, — нѣсколько эпитетовъ, долженствующихъ усилить злое впечатлѣніе; а то еще прибѣгаетъ къ такому приему: ставить свое зло въ аналогію съ какимънибудь зломъ завѣдомымъ, или всѣми за таковое признаваемымъ (почему они аналогичны, — тоже, конечно, не поясняется). Напримѣръ, зло «революціи» Ильинъ доказываетъ посредствомъ нѣсколькихъ знаковъ равенства: революція = всеобщее разрушеніе, революція = смерть, и т. п. Смерть и разрушеніе зло, значитъ — революція зло. Вотъ и все.

Приемъ простой, — но для кого онъ? Единичнымъ лицамъ Ильина и это не нужно, а кто хочетъ размышлять — того ускоренные сплотивленія и подготовленія къ борьбѣ съ ильинскимъ зломъ все равно не удовлетворять.

О подлинной-же борьбѣ съ подлиннымъ зломъ, — какая можетъ быть рѣчь безъ твердаго, яснаго распознаванія зла, безъ пониманія того зла, съ какимъ сейчасъ хочешь бороться? Вѣдь, самая форма борьбы, ея орудія, средства, подбираются въ соответствии съ природой и данной реальной формой этого зла. Даже болѣзнь нельзя побѣдить, борясь съ ней въ слѣпую и не выбирая именно для нея годныхъ средствъ.

Это слишкомъ очевидно, и жаль, что говоря о книгѣ Ильина, мнѣ приходится повторять такіа общія мѣста.

А самое очевидное, — роковая безысходность борьбы Ильина-цевъ съ коммунистами.

Противники — обратно - подобные во всемъ: въ духѣ, въ центральныхъ своихъ идеяхъ, — религиозной и политической («одичь надъ всѣми» = «всѣ надъ однимъ») — и уже не обратно, а прямо подобные въ выборѣ орудій и средствъ для «побѣды».. Это — какъ если-бы двѣ руки, одному и тому же тѣлу принадлежащія, вступили другъ съ другомъ въ смертный бой.

Не всякую борьбу со зломъ коммунизма можно назвать *борьбой со зломъ*. Если она ведется съ политической и религиозной позицій Ильина, и единственные плоды ея — дѣла, которыя Соловьевъ непереступимой чертой отрѣзаетъ отъ человѣческой совѣсти, то для «духа новаго» такая борьба есть сама — *злое дѣло*.

Я пишу это не ради обвиненія въ чемъ нибудь автора книги о силѣ - насилии. Виновать ли человѣкъ, самъ не знающій, какого онъ духа?

Вопросъ въ томъ, насколько Ильинъ уже замкнулся въ самоувѣренности. А если не вполне? Если, временами, и самъ онъ подозреваетъ неладное въ своемъ христіанствѣ? Тогда ему можно было бы дать не мало добрыхъ совѣтовъ.

Вл. Соловьевъ для Ильина, въ его теперешнемъ состояніи, бесполезенъ. Нѣтъ, ему надо начинать издалека, — вотъ, хотя бы, съ маленькой, недарно вышедшей книжки П. Иванова — «Смирение во Христѣ».

Трудно представить себѣ что нибудь болѣе далекое книгѣ Ильина. Ни барабанныхъ призывовъ къ мечу - молитвъ, ни высоко-торжественныхъ лирическихъ отступленій, — ничего этого нѣтъ въ немудращихъ, дѣйствительно смиренныхъ, сентенціяхъ Ивано-

ва. А, главное, есть въ нихъ начатокъ духа, противоположнаго ильинскому.

Не скрою: это — приготовительный классъ. Не вѣдь Петръ Ивановъ нуженъ, не вѣдь даже полезенъ. Но Ильину, который добрался до послѣднихъ словесныхъ высотъ христіанства и не ощутилъ перваго вѣянія его духа, — что осталось, какъ не сойти съ голыхъ вершинъ, не совлечься своей праздною мудрости, не начать съ самаго начала — со смиренія во Христѣ?

Долгогъ, тяжелъ, извилистъ путь отъ Петра Иванова до Владимира Соловьева, даже до пониманія трагическаго узла «нелзя — и надо». Можно и совѣдь не дойти, такъ и утонуть въ «смирности». Но, во-первыхъ, лучше утонуть въ ней, чѣмъ засохнуть въ гордынѣ Ильина. а, во-вторыхъ, все-таки, если есть путь — есть и надежда дойти.

Вступи Ильинъ на этотъ путь, «отвергнись себя», — была бы и для него, хоть малая, надежда достичь иныхъ «видѣній»: уразумѣть, какаго «духа» былъ убійца, молившійся на крестѣ въ небѣ: понять, во имя чего положилъ онъ душу, и что значить «положить душу — жизнь»; и увидѣть, наконецъ, въ собственной совѣсти, черту, отдѣляющую насиліе «честное» — отъ «безчестнаго».

Была бы надежда постигнуть внутренно, въ безмолвіи, что мечъ — можетъ стать подвижническимъ крестомъ, но никогда не бываетъ мечъ — молитвой.

«Симъ побѣдими» сказано о крестѣ.

Оправдана-ли вѣра эта?

Кто подымаетъ мечъ, зная, — памятью или хотя бы сердцемъ, — что на крестѣ умеръ Человѣкъ, открывшій намъ Свободу, только для того она оправдана.

З. Н. Гипіусъ

Сентябрь, 1925.